

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ УКРАЇНИ

ISSN 0453-7998

ВІСНИК

**ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

№393'97

Соціологічні дослідження
сучасного суспільства:
методологія, теорія, методи

Заснований у 1983 р.

Харків
ХДУ
1997

В 1992-93 роках в законодавство України були внесені зміни, які наближали національне правосуддя до міжнародних стандартів.

Перш за все, це закони, що створюють гарантії незалежності суддів, їх матеріального забезпечення, захисту від загрози вчинення умови для нормального функціонування. Були створені також арбітражні суди та Конституційний суд. Але за свідченням українських адвокатів [9, с.72], багато з цих нововведень виявилось важко реалізувати в житті. Далекий від дотримання принцип незалежності судової влади. Суду не забезпечені самим необхідним, поставлені у залежність від органів виконавчої влади. Байдуже відношення до потреб судів, низька заробітна плата та тяжкі умови праці привели до того, що професія судді перестала бути престижною. Не випадково, що сьогодні окремі суди вкомплектовані лише на 83,7%, військові — на 44,6%. Надзвичайно складне становище в обласних судах — їх штат заповнений лише на 57% [11, с.37]. З-за цього, а також з-за поганого забезпеченості судів самим необхідним, по суті, обмежується право громадян на доступність судів.

Зростає злочинність серед працівників МВС. Так, лише за 7 місяців 1995 року арештовано 313 чоловік, засуджено — 220. (В числі визнаних судом винними 75 співробітників міліції, 24 працівники органів слідства, 6 співробітників пенітенціарних служб.) На розгляді суду знаходиться 865 кримінальних справ у відношенні 1094 співробітників цього відомства. У протиправних діяннях працівників МВС переважають посадові злочини (зловживання владою і перевищення влади, халатність, хабарництво) — 40%, а також насильницькі (вбивства, тяжкі тілесні ушкодження та звалтування) — 14%. За визнанням Міністра внутрішніх справ Ю. Кравченка [2], міліція криміналізована більше, ніж населення. "Я вжахнувся, — заявив на прес-конференції начальник Головного управління МВС в Криму М. Корніленко, — коли ознайомився з матеріалами про тіньову діяльність співробітників міліції" [12].

Не слід забувати і про те, що ні економічне життя суспільства, ні його правові органи, ні багатоманіття соціальної сфери, ні політика не можуть бути вільними від норм моральності.

Забуття моральних критеріїв в кожній з вищеперерахованих сфер функціонування суспільства і кожного з його членів може вести до злочину. Забуття цих принципів у всіх сферах, разом взятих, створює абсолютно нестерпну атмосферу в суспільстві і найбільш сприятливий ґрунт для злочинності — корисливої, насильницької, корисливо-насильницької, аж до злочинності проти державної [3, с.75].

Таким чином, слід зробити висновок: причини і умови злочинності, перш за все і більш за все — це система соціальних, економічних і моральних явищ. Впливають вони з загострення соціально-економічних протиріч у суспільстві на відповідному етапі

його розвитку і боротися з ними можна, лише за умови наявності систематичних, комплексних досліджень і розробки на їх основі державної політики в даній галузі.

Література:

1. Горянов К.К., Кононенко В.И., Кудрявцев С.В. Взаимодействие социально-экономических и социально-психологических процессов в генезисе преступности. // Советское государство и право. — 1985. — № 12.
2. Ильченко А., Корчинский А. Меня избил в ГАИ! // Киевские ведомости. — 1995. — 4 октября.
3. Карпец И.И. Криминология. — М., 1995.
4. Карпец И.И. Преступность как реальность. // Вопросы философии. — 1989. — № 5.
5. Кетле А. Социальная система и законы ею управляющие. — СПб, 1866.
6. Кравченко Ю.Ф. Нарастивать усилия по борьбе с преступностью — необходимая потребность времени. // Именем закона. — 1995. — 29 декабря.
7. Криминология. — М.: Юрист, 1995.
8. Кудрявцев В.Н. Современная социология права. — М., 1995.
9. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. — М., 1996.
10. Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. — М., 1986.
11. Филонов В.П. Причины преступности. — Днепропетровск, 1996.
12. Экспресс-хроника. — 1 декабря 1995

Бредникова О.Е.

ПРОЦЕСС "ОБНИЩАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ": ОБЗОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ

Очевидно, что в ситуации, сложившейся в России, социальная стабильность становится главной заботой. Именно представление о том, что может ее обеспечить, определяет основные направления дискуссии. С одной стороны, распространены представления о том, что "массовый средний слой, рынок — универсальный способ консолидации общества" [1], "трансформация институтов собственности и, соответственно, разделения труда, выделит реальных субъектов экономической жизни" [2]; с другой — "рост численности люмпенов — несомненно, следствие разгула рыночной стихии, "дикого" капитализма" [3], при этом "углубляется раскол общества на две части, преследующие взаимоисключающие цели. Одна, меньшая по численности, часть общества, выступает за полную

Бредникова О.Е. — Научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, г. Санкт-Петербург
Бредникова О.Е. — Научный сотрудник Центра независимых социологических исследований, г. Санкт-Петербург

“капитализацию” страны, другая, большая по численности — за построение социально ориентированного правового общества со смешанной экономикой, регулируемой государством, политической системой, отвечающей принципам народовластия” [4].

Заявленные позиции становятся принципом оценки наблюдаемых явлений. Рассмотрим подходы к оценке процесса социальной поляризации, которые активно дискутируются в российской социологии. С одной стороны, это представление о том, что происходит растягивание полюсов и заполнение пространства между ними “средними слоями” [5], с другой стороны утверждается, что реформы приводят к массовому обнищанию и люмпенизации населения, снижению жизненного уровня 90-95% всего населения [6].

Дискуссию об “обнищании народных масс” начали противники правительственного курса реформ. Они предполагают, как мы уже указывали, что в обществе идет сильная поляризация, что ведет к формированию социальной структуры, сходной с наблюдаемой в странах “третьего мира” [7].

С началом экономической реформы произошли фундаментальные изменения в механизмах регулирования дохода, и, как следствие, в степени дифференциации материального положения и социального расслоения по этому критерию. В социологии стали активно обсуждаться проблемы социальной дифференциации, проводиться замеры имущественной дистанции, уровней доходов разных социальных групп [8]. Отмечаются большие перепады в средней зарплате по отраслям хозяйства, по секторам экономики, по категориям занятости [9].

До недавнего времени проблема бедности в СССР относилась к числу закрытых для обсуждения. Вместо термина “бедные” получил распространение термин “малообеспеченные”. Не существовало работ социологического характера, посвященных изучению экономического и социального статуса бедных слоев населения. Только в последние годы эта проблема стала одной из центральных [10]. Большинство публикаций, посвященных проблеме бедности, не носит обобщающего теоретического характера [11]. В основном, анализируются данные статистики и массовых опросов, выводы противоречат друг другу, и создается впечатление, что авторы оперируют разными реальностями. Разная методика расчета доходов и прожиточного минимума дает различные результаты. В зависимости от “партийной принадлежности” социолога оцениваются и масштабы бедности (от 10% до 90% населения).

Основные темы публикаций:

- масштабы и границы бедности;
- “старые” и “новые” бедные, пополняющие их социальные

группы;

- классификация бедных слоев населения;
- их ценностные ориентации, вероятность социальных взрывов.

Для того, чтобы оценить масштабы бедности используются различные критерии:

- формальный статистический индикатор (как правило, показатель — среднедушевой доход семьи, который сравнивается с официально рассчитываемым прожиточным уровнем) [12];
- субъективная самооценка социального самочувствия респондентов [13].

Т.Ярыгина считает, что в условиях слабой статистической базы идентификация бедности должна основываться на интегральном показателе, включающем, помимо экономического, социальные, демографические и психологические характеристики [14].

Попытка типологизировать феномен бедности представлена в статье Л.Гордона. Он анализирует абсолютную и относительную бедность. В нынешней России им выделяется три степени абсолютной бедности: нищета (люди, не имеющие физиологического минимума средств к жизни), нужда (группы населения, которым хватает на простейшие физиологические потребности), необеспеченность [15].

Что касается бедности относительной, то Н.Наумова утверждает, что “в переходные, кризисные периоды, когда размываются социальные нормы, сила социального сравнения резко усиливается. Богатство становится демонстративным, а нищета часто не может или не хочет себя скрывать” [16]. В этих условиях сравнивать становится легко. При этом важен не сам факт поляризации, а ее скорость. “В условиях быстрого расслоения общества, стремительного обогащения верхнего слоя социальное сравнение может провоцировать массовое недовольство даже тогда, когда уровень жизни основной массы населения объективно не снижается, но сравнительно продолжает ухудшаться” [17].

Другое направление исследований бедности — определение социальных групп, составляющих или пополняющих бедные слои населения. Группы, традиционно считающиеся в нашем обществе бедными — пенсионеры, студенты, неполные или многодетные семьи, — сегодня неоднородны. Поэтому в публикациях чаще говорится или о трансформации традиционных бедных групп или о формировании новых [18]. Выделяются группы риска — безработные, мигранты и т.д. [19].

В последнее время все чаще стал появляться на страницах российской социологической литературы термин “underclass”. Он заимствован из западной, в частности, американской социологии и журналистики, и “обозначает маргинальные социальные группы (бездомные, эмигранты, хронические безработные), которые лишены доступа к признанным статусам в системе разделения труда и имеют ценности, отличные от основных ценностей” [20]. Отмечая, что данный

термин является дискуссионным в западной литературе, автор предлагает использовать "более подходящий для нас термин, застойного социального дна".

Мы акцентируем внимание на использовании качественных методов исследования, которые ранее почти не использовались в российской (советской) социологии, при исследовании нищих [21] и бездомных [22].

В публикациях об "обнищании" российского общества неизбежно всплывала тема о процессах маргинализации и люмпенизации. Была сделана попытка обзора существующих западных теоретических концепций по данной проблематике [23].

Е. Стариков выдвинул версию о тотальной маргинализации всего российского общества. Понимая маргинализацию как переход из одних социальных групп в другие, сегодняшняя социальная структура представляется как дисперсная система с затянущимся на десятилетия переходом. Оценка процесса зависит от направленности подобного перехода (восходящая мобильность — хорошо). Нисходящая мобильность формирует слой люмпенов — пауперов, безработных, мигрантов, беженцев, уголовников и т.д. [24].

Помимо этого, в описаниях сегодняшней структуры общества, понятия "маргиналы" и "люмпены" используются как более сильное определение (как логический "конец" процесса) обедневших слоев населения, постепенно выпадающих из социума. Зачастую алармистское восприятие происходящего определяет использование подобных понятий и концепций: "...выпадение на дно общества своеобразного "осадка" — люмпенских элементов, численность которых при ускоренном обнищании масс возрастает ... Рост численности люмпенов — несомненно, следствие разгула рыночной стихии, "дикого" капитализма при явном ослаблении деятельности правоохранительных органов" [25].

При анализе другого полюса новой структуры общества рассматривается социальная природа групп и слоев, в чьих руках сконцентрирована основная доля общественного богатства. Некоторые исследователи, говоря об особенностях современного российского капитализма, выделяют в составе нарождающегося класса собственников национальную и компрадорскую буржуазию [26]. При этом компрадорская буржуазия, составляя группу наиболее богатых собственников в современной России, отождествляется с криминальным бизнесом и участвует в активном разграблении страны. Национальная буржуазия представляется в этих исследованиях антиподом компрадорской по ряду социальных признаков: по социальным корням, предпринимательской субкультуре, происхождению капиталов.

Вообще, необходимо отметить, что дискуссия разворачивается в тесной связи с экономическими и социальными изменениями в

стране, с одной стороны, и по мере освоения материалов западной дискуссии, с другой. Кроме того, до последнего времени социологическая дискуссия сопровождала политическую.

Обмен идеологическими ударами между расколотившимися по отношению к реформам социологами постепенно преодолевается, по крайней мере, сторонниками реформ. Теоретическая "упаковка" все большего числа статей, культура их написания и стиль изложения постепенно приближаются к уровню западной социологии. Хотя в массе еще слишком сильны советские традиции: абсолютизация результатов массовых опросов как базы для исследовательских выводов, поверхностная интерпретация полученной статистики, отсутствие теоретических представлений о предмете исследования и теоретическое невежество в целом (вообще незнание работ западных социологов или "открытие" идей полувекковой давности), идеологическая окраска представленных выводов.

К сожалению, фактический распад социологического сообщества в России (разрушение информационного обмена, отсутствие конференций, акцентирование внимания на поиске западных партнеров и т.д.), недостаток возможностей публиковать свои работы и обсуждать их, попытки конкурировать на западном научном рынке заставили российских социологов печататься за рубежом. Возможно, что наиболее интересные статьи были опубликованы нашими коллегами в других странах и на других языках.

Примечания:

1. Лапин Н. Кризисный социум. — М., 1994. — с.14.
2. Денисовский Г. (ред.) Посттоталитарное общество на рубеже веков (динамика изменений социальной структуры и ценностных ориентаций). — М.: Институт социологии РАН, Институт общечеловеческих ценностей, 1992. — с.9.
3. Руткевич М. Социальная поляризация. // Социс. — 1992. — № 9. — с.13.
4. Осипов Г. (ред.) Реформирование России: мифы и реальность. — М.: Academia, 1994. — с.330.
5. Лапин Н. Кризисный социум. — М., 1994. — с. 36. Эту позицию разделяют и другие авторы: Ядов В. О социальных процессах перестройки. // Коммунист. — 1991. — №6; Наумова Н. Современные тенденции социальной дифференциации и принципы ее регулирования. В кн.: Диалектика равенства и неравенства на современном этапе развития светского общества. — М., 1992. с.6-44; Шкарата М. Переживает ли Россия социальный кризис? В: Заславская Т., Арутюнян Л. (ред.) Куда идет Россия? Вып. I. — М.: Аспект Пресс, 1995. — с.148-150 — и другие авторы.
6. Руткевич М. Социальная поляризация // Социс. — 1992 — № 9. — с.16. Аналогичные позиции занимают другие исследователи. См. например: Осипов Г. (ред.) Реформирование России: мифы и реальность. — М.: Academia, 1994.
7. Основная тенденция экономической политики в России — стремительное социальное и имущественное расслоение в обществе. Идет очень быстро

- накопление богатства в руках относительного меньшинства и одновременное обнищание основной массы населения. Признаки обнищания (на основе статистики): недоступность многих цен, снижение потребительских возможностей, безработица и т.д. (Сычева В. Обнищание "народных масс" России // Социс. - 1994 - № 3. - с.66-67).
8. Заславская Т. Доходы работающего населения // Экономические и социальные перемены. - М.: Аспект Пресс, 1994, 2. - с. 5-11; Зубова Л. и др. Бедность в новых экономических условиях. // Экономические и социальные перемены. - М.: Аспект Пресс, 1994, 4. - с.25-29. Хахулина Л. Отношение населения к дифференциации доходов и социальному расслоению // Экономические и социальные перемены. - М.: Аспект Пресс, 1993, 4. - с. 5-10.
  9. Орлов А. (ред.) Социальная стратификация современного российского общества. - М.: Центр комплексных социальных исследований и маркетинга, 1995. - с. 22-28.
  10. Например, Можина М. (ред.) Бедность: взгляд ученых на проблему. - М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1994.
  11. Исключение составляют: Гордон Л. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. - 1994. - № 4. - с.18-35; Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал. - 1994. - № 2. - с. 43-50.
  12. См. публикации: Сычева В. Обнищание "народных масс" // Социс. - 1994. - № 3. - с. 66-69; Космарский В. Степень и факторы дифференциации доходов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - М.: Аспект Пресс, 1993, 3. - с. 30-31; Зубова Л., Ковалева Н., Хахулина Л. Бедность в новых экономических условиях // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - М.: Аспект Пресс, 1994, 4. - с. 25-30; Гордон Л., Головачев Б. Критерии бедности в современной России // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - М.: Аспект Пресс, 1994, 6. - с. 11-14 и др.
  13. Хахулина Л. Отношение населения к дифференциации доходов и социальному расслоению // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - М.: Аспект Пресс, 1993, 4. - с.5-10; Зубова Л. и др. Субъективные оценки уровня жизни // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - М.: Аспект Пресс, 1994, 2. - с.21-25.
  14. Ярыгина Т. Бедность в богатой России // Общественные науки и современность. - 1994. - № 2. - с.30.
  15. Гордон Л. Четыре типа бедности в современной России // Социологический журнал. - 1994. - № 4. - с. 19-20. Подобное же деление на два уровня бедности - нищета и бедность - встречается в работах: Быкова С., Любин В. Бедность по-русски и по-итальянски // Социс. - 1993. - № 2. - с. 132-138; Ильясов Ф., Плотникова О. Нищие в Москве летом 1993 года // Социологический журнал. - 1994. - № 1. - с.150-156.
  16. Наумова Н. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал. - 1994. - № 1. - с.11.
  17. Там же, с.12.
  18. Быкова С., Любин В. Бедность по-русски и по-итальянски // Социс. - 1993. - № 2. - с. 135-136; Денисова Г. Социальное расслоение как фактор напряженности в городе // Социс. - 1992. - № 9. - с.81-84.

19. Ярыгина Т. Бедность в богатой России // Общественные науки и современность. - 1994. - № 2. - с. 29.
20. Сидоренко С. "Underclass", или социальное дно России // Т.Заславская (ред.) Куда идет Россия? - М.: Аспект-Пресс, 1995 - Вып.2. - с.179-183.
21. Ильясов Ф., Плотникова О. Нищие в Москве летом 1993 года // Социологический журнал. - 1994. - № 1. - с.150-156.
22. Сидоренко С. "Underclass", или социальное дно России // Т.Заславская (ред.) Куда идет Россия? - М.: Аспект-Пресс, 1994. - Вып.2. - с. 179-183.
23. Атоян А. Социальная маргиналистика // Социс. - 1993. - № 6. - с. 29-38; Атоян А. Маргинальность и право // Социально-политический журнал. - № 7-8. - с.158-161.
24. Стариков Е. Социальная структура переходного периода (опыт "инвентаризации") // Социс. - 1994. - № 4. - с.87.
25. Руткевич М. Социальная поляризация // Социс. - 1992. - № 9. - с.10.
26. Стариков Е. Социальная структура переходного периода (опыт "инвентаризации") // Социс. - 1994. - № 4. - с.87-96; Руткевич М. Социальная поляризация // Социс. - 1992. - № 9. - с.10.

Хміль М.М.

ДЕЯКІ АСПЕКТИ СУЧАСНОГО СТАНУ БЕЗРОБІТТЯ (ЗА ДАНИМИ СОЦІОЛОГІЧНОГО ОБСТЕЖЕННЯ)

Просування нашого суспільства на шляху до формування і становлення ринкових відносин означає, що безробіття перетворюється і вже перетворилось у реальне соціальне явище, що охоплює все більшу кількість людей.

Перехід до ринку ще більше загострив уже існуючі проблеми зайнятості і додав до них нові, пов'язані із структурною перебудовою народного господарства і становленням нових трудових відносин, обумовлених різними формами власності. В результаті є неминучим звільнення працівників з підприємств, обумовлене порушенням виробничих зв'язків і кооперації між підприємствами-партнерами, зниженням дисципліни взаємних поставок, скороченням управлінського персоналу, банкрутством, конверсією підприємств військово-промислового комплексу. Таким чином, безробіття стало реальією нашого життя.

З метою більш повного з'ясування певних аспектів сучасного стану безробіття (і безробітних) у Львівській області та в м. Львові, зокрема, було проведено соціологічне обстеження учасників "Ярмарку вакансій", який відбувся 26 грудня 1996р. в м. Львові. В ярмарку взяло участь близько 500 чоловік. На запропоновану анкету відповіло

Хміль М.М. — завідуючий соціологічною лабораторією Львівського державного університету